

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Суббота, 19-го Февраля 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10222.

Императоръ Александръ II Николаевичъ Царь-Освободитель.

Великій князь Константинъ
Николаевичъ.

Великая княгиня Елена
Павловна.

Ближайшие сотрудники Императора Александра II по освобождению крестьянъ.

Я. И. Ростовцевъ.

Н. А. Милутинъ.

Гр. С. С. Ланской.

Ю. О. Самаринъ.

Московский митрополит
Филаретъ.

Кн. В. А. Черкасский.

составитель манифеста 19-го февраля
1861 года.

Забытый на землѣ.

Встрѣчали ли вы людѣй, забытыхъ смертью?

Не о столѣтнихъ старикахъ и старухахъ говорю я.

Забытые на землѣ могутъ быть молоды. Но душой принадлежать они прошлому, отошедшей эпохѣ, безвозвратной истории.

Его звали Иванъ Шило.

Я встрѣтилъ его въ 1902 г. въ Рижскомъ военномъ госпиталѣ.

Среди 40 юношей онъ былъ одинъ старый. Горбъ 75 лѣтъ согнулся его, но все же онъ былъ головой выше другихъ обитателей палаты.

— Дѣдъ, а дѣдъ! ты здѣсь чего лежишь? Ты кто таковъ будешь то? спрашивали его вновь поступающіе.

Государь среди народа послѣ обнародованія манифеста.

Дѣдъ подымался и, кося единственнымъ глазомъ, съ гордостью отвѣчалъ:

— Николаевскій я!

— А боленъ-то чѣмъ!

— Самъ ты, щенокъ, боленъ! обижался старикъ. А здѣсь я, потому полное право имѣю. Отъ Царя Николая Павловича право, не то что!. Хочу въ госпиталь иду, хочу — выпишусь. Потому — настоящій солдатъ царскій, не то что!

Былъ Иванъ Шило угрюмый и злой и больше всего ненавидѣлъ новое.

— Дурачье! — браниль онъ солдатъ. — Какой нынче солдатъ, коровъ ему пасти, а не царскую службу нести!

И его не любили солдаты. Какъ черное воспоминаніе, какъ страшное привидѣніе былъ онъ среди молодыхъ. И городские приказчики, и фабричные, и деревенскіе парни такъ

далеко отошли отъ него, отъ его взгляда на жизнь, что его правда казалась имъ страшной сказкой, бредомъ больного.

Но по вечерамъ, лежа на койкахъ, солдаты любили слушать его рассказы и испытывать жуть и трепетъ встревоженныхъ сердецъ.

Иванъ Шило рассказывалъ:

— А при царѣ Николаѣ Павловичѣ, царство ему небесное, было настоящее житье. Настоящій солдатъ былъ, потому—разумъ включивали.

— И тебя били?

— Меня то? Да отъ тебя бы, моло-

Чтеніе манифеста.

Съ картины Мясоѣдова.

Объявление Манифеста 19 февраля въ сельской церкви.

Бывшіе крѣпостные подносятъ хлѣбъ-соль Царю-Освободителю.

косось, мокренко осталось, если бы тебя да въ такую передѣлку!.. Тоже разговариваетъ!.. Да знаешь ты, со- сунъ, сколько на моей спинѣ палокъ гуляло, и розогъ и шпицрутеновъ?.. То- то!—внушительно прибавлялъ Иванъ Шило.

Оживлялся, вставалъ и въ какомъ-то почти пьяномъ восторгѣ продолжалъ:

— Положать, это, на землю, спустять шаровары, посадить на ноги одного, на спину другого. Выстроится вся рота и запоютъ:

Ты не пьянствуя, не воруй,
Ты не лги и не плутуй.
Жарь его, жарь его, жарь его!
Ты присягу принималъ,
Крестъ святой ты цѣловалъ.
Жарь его, жарь его, жарь его!
— И жарили?
— Жарили! Ой, какъ жарили!
— И не обидно было?
— Чего? Обидно? Ишь-ты!.. Отле-
жишься, пойдешь къ командиру:

Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе, за науку!..

— Ну те къ дьяволу!—выругается кто-нибудь.

И долго молчитъ палата въ жуткомъ раздумъи.

— Дѣдъ, а дѣдъ!

— Чаго тебѣ?

— А барщину помнишь?

Дѣдъ оживлялся.

— А самъ-то я кто? Развѣ не му- жикъ? Самого-то меня баринъ въ солдаты забрилъ...

— И хорошо было?

— А, ты думаешь, плохо? Подъ бариномъ жили! Надежно было! И былъ християнинъ степенный, смирный былъ, битый былъ—не то, что нонѣшній... Хорошо было.

И долго говорилъ Иванъ Шило о прошломъ.

— Ну те къ лѣшему!

— Будетъ!

— Дрыхни, старый чортъ!

лей, окруженный мракомъ и, вмѣсто солнца глядѣлъ на суроыя каменные громады, нависшія надъ головою, и долбилъ киркой. Часто осколки камня, попадали ему въ глаза, часто обрушивавшаяся глыба задѣвала его, часто приходилось работать лежа въ водѣ, появляющейся вдругъ нежданно-негаданно. Утромъ, когда просыпался онъ, первое ощущеніе, которое испытывалъ, была ноющая боль во всемъ тѣлѣ; вечеромъ, уставши до изнеможенія, онъ засыпалъ, съ ужасомъ думая, что завтра опять начинать сначала.

Сухопарый, тощий, съ красными воспаленными глазами, полуоткрытымъ ртомъ, впалой грудью, постоянно вздрагивающій отъ кашля—онъ страшенъ былъ, до ужаса страшенъ, точно ходячая смерть. Четыре года онъ проработалъ здѣсь вдали отъ солнца, вдали отъ родной деревни, близкихъ своихъ. И только по ночамъ снились ему: вольный просторъ полей, прекрасныя, залитыя солнцемъ рѣки, зеленый лѣсокъ и огромный вѣтвистый дубъ, подъ которымъ сидѣли, обнявшись, онъ съ белокурой голубоглазой дворовой

— Помирать тѣ-
бѣ пора, дѣдъ!

Такъ начинали
кричать со всѣхъ
коекъ.

И на утро мсти-
ли старику за
жуть вечера. Зали-
вали водой его
койку, подсыпали
пепель въ его ка-
шу, всячески издѣ-
вались надъ нимъ.

Ю. Волинъ.

Воля.

(Великому дню освобо-
жденія: 19-го февраля
1861 года).

Четыре долгихъ
года онъ уже рабо-
талъ въ каменолом-
нѣ. Цѣлые дни ле-
жалъ на животѣ
глубоко подъ зем-

дѣвкой Маришой, фавориткой помѣщика, его властелина, когда онъ накрылъ ихъ. Какъ дикій звѣрь налетѣлъ на нихъ тогда помѣщикъ и сталъ хлестать его арапникомъ до тѣхъ поръ, пока онъ лишился сознанія... Мариши больше онъ никогда не видалъ и никогда не узналъ, чтосталось съ ней, любимой, за которую жизнь бы отдалъ. Его держали двѣ недѣли подъ замкомъ въ подвалѣ помѣщичьяго дома, потомъ помѣщикъ объявилъ ему, что на всю жизнь отсылаетъ его сюда—камни дробить. И его увезли... А передъ тѣмъ онъ былъ любимцемъ своего помѣщика, актеромъ былъ въ его театрѣ, и помѣщикъ неоднократно обѣщалъ послать его въ Москву—учиться, а потомъ на волю отпустить.

— У тебя талантъ есть, — говорили ему гости-помѣщики... Можетъ, и артистомъ когда-нибудь станешь.

А хозяйствскій племянникъ—студентъ, пріѣзжавшій къ нимъ на каникулы, читалъ ему про Ломоносова и пояснялъ:

— Такимъ же, какъ ты, былъ... А чѣмъ сталъ—писателемъ великимъ...

И въ мечтахъ рисовалось ему свѣтлое будущее...

Разъ вздумалъ онъ бѣжать отсюда, но его сейчасъ же поймали, жестоко избили. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ кашлять и угасать, таялъ, какъ свѣчка...

— Никогда не уйти... до смерти... всю жизнь,—думалъ въ отчаяніи.

— И глаза есть, а, словно, слѣпой, и ноги есть, а, словно, не мои... И не убивалъ никого, не грабилъ—а словно преступникъ самый лютый...

На милость онъ не разсчитывалъ никакъ. Его помѣщикъ деспотомъ былъ: суровый, непреклонный, „желѣзной дубиной“ его называли.

— Хоть бы на денекъ, на два... Только другой жизнью пожить... Хоть бы передъ смертью на полчасика—на волю,—мечталъ онъ... Полчасика посидѣть на травушкѣ, на родинѣ, на солнышкѣ—деревню свою увидѣть, и умереть...

Но сейчасъ же на смѣну приходила жестокая мысль:

— Ничего не будетъ. Тутъ и умрешь... До смерти, вѣдь, сосланъ.

И вдругъ сюда проникла вѣсть о близившемся освобожденіи. Неизвѣстно, какъ проникла, и стала упорно держаться. И онъ ожила сразу. И онъ сталъ меньше чувствовать, какъ ныло тѣло его, какъ болѣла грудь. И стала лихорадочно ждать. Сразу повѣрилъ, что день освобожденія придетъ. И звалъ его, и молилъ небо, чтобы дожить. И шепталъ постоянно въ экстазѣ:

— Солнышко родное увижу... На травѣ посижу въ лѣсу подъ деревомъ—въ прохладѣ—такъ хорошо такое счастье!...

Но однажды, во время работы, мечтая о свободѣ, онъ не замѣтилъ, какъ отдельилась огромная глыба камня и навалилась на него...

Черезъ нѣсколько часовъ его вытащи-

Торгъ крѣпостными.

Съ картины Зайцева.

ли изъ-подъ осколковъ съ распластаннымъ черепомъ и изуродованнымъ, окровавленнымъ лицомъ,

Онъ дождался освобожденія.

А черезъ мѣсяцъ пришло 19 февраля. Прошло двадцать лѣтъ...

Глубоко—глубоко подъ землей, въ одной шахтѣ работалъ рослый, коренастый мужикъ Антипъ. Цѣлые дни онъ лежалъ на животѣ на черномъ угольномъ пластѣ, окруженный мракомъ, и вмѣсто солнца глядѣлъ на еле мерцающій сквозь желѣзную стѣтку огонекъ пампочки и долбилъ киркой... Часто осколки угля попадали ему въ лицо, часто приходилось работать лежа въ водѣ, появляющейся вдругъ нежданно-негаданно.

Мощно взмахивалъ онъ киркой, съ силой ударялъ ею, и куски угля отваливались и съ трескомъ падали внизъ. Каждый день онъ просыпался съ мыслию:

— Еще мѣсяцъ-другой и заработка на избу. Поженимся и заживемъ, какъ бары.

И мечталъ о своей невѣстѣ, которую покинулъ ужъ около года. Красивая дѣвка его невѣста. Красивая, веселая, хохотунья и баловница. Тяжко было разставаться, трудно приходилось спервоначала, но потомъ попривыкъ. Теперь уже скоро... И онъ грезилъ о своей невѣстѣ, о родной деревнѣ, о свѣтломъ, голубомъ небѣ, яркомъ солнышкѣ, зеленой травѣ,—теперь, вѣдь, такъ рѣдко онъ выходитъ на верхъ.

И постоянно повторялъ:

— Скоро уйду!.. Скоро уйду!..

И отъ такихъ мыслей радостно становилось на душѣ. И день за днемъ считалъ.

А иногда приходили мысли о прошломъ.

Шестнадцать лѣтъ было ему, когда пришла воля. Съ тѣхъ поръ только и вздохнулъ.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ съ своимъ отцомъ работалъ на помѣщичьей мельницѣ. Съ восьми лѣтъ таскалъ уже кули съ мукою, чинилъ плотину, ссыпалъ зерно... Покоя не зналъ совсѣмъ. Помѣщикъ, которому принадлежали они, былъ жестокій скупецъ. Нанего работали, не зная отдыха. Мать Антипа послѣ того,

какъ родила его, черезъ три дня послѣ родовъ выкатывала съ другими бабами изъ помѣщичьяго погреба бочку съ сельдями, надорвавшуюся и умерла... И Антипъ не зналъ никакихъ радостей.

И солнце ему было не солнцемъ, и вмѣсто неба онъ видѣлъ постоянно только обсыпанная мукою доски. И тѣло его постоянно ныло отъ побоевъ.

И теперь, лежа цѣлые дни на черномъ угольномъ пластѣ глубоко подъ землей, онъ содрогался, вспоминая дѣтскіе годы, безолнечные, безнадежные. Здѣсь, окутанный мракомъ, онъ жилъ мечтами о будущемъ, и тогда на душѣ его было свѣтло, тогда мракъ озарялся лучезарнымъ солнцемъ, и онъ шепталъ:

— Скоро, скоро... уйду...

— Воленъ съ собой дѣлать все, что хочу... Хочу—работаю, хочу—завтра въ деревнѣ буду... Какъ я хочу...

— Вотъ она, воля... И подъ землей, и въ темени, и безъ солнышка,—а воля...

В. Унковскій.

* *

Это было... Это было
Полстолѣтія назадъ:
Солнце воли освѣтило
Окна хмурыхъ избъ и хать,
Оросивъ лицо слезою
Жданной радости, мужикъ
Сталъ предъ новою стезею
Силой гордою великомъ.
Счастью не было границы,
Грезамъ не было конца;
Былъ вольнѣй онъ вольной птицы
И... наивнѣе птенца.
Послѣ долгой, темной ночи,
Послѣ стона и цѣпей,
Свѣтъ ловили жадно очи,
Улыбалась ширь степей.
Но не долго счастье длилось:
Все темнѣло на душѣ.
Раемъ сердце истомилось
Съ милой волей въ шалашѣ;
Утопали въ горѣ грезы,
За бѣдой бѣда неслась,
Горкій смѣхъ звучалъ сквозь слезы,
Пѣсня больше не лилась;
Сталъ смотрѣть онъ изъ оконца
Покосившейся избы,
Сталъ онъ ждать большого солнца—
Человѣческой судьбы...
И тянулись дни за днями,
Такъ прошло не мало лѣтъ,
Все подернулось тѣнями...
Солнца-жъ жданнаго все нѣтъ...
О, когда-бъ оно скорѣе
Надъ избой его взошло,—
Стало-бъ всѣмъ тогда свѣтлѣе,
И отрадно и тепло.

О. М.

